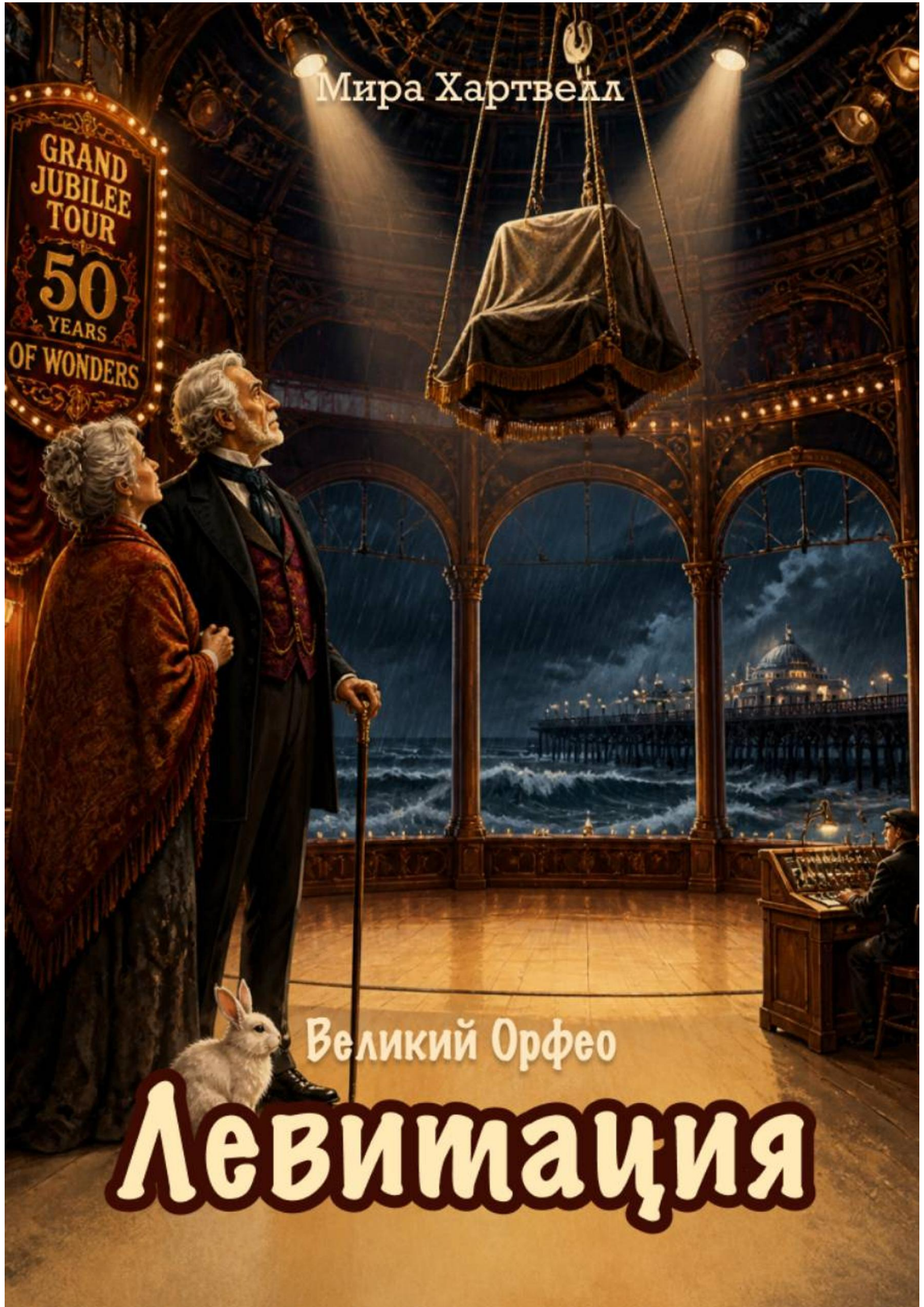
Мира Хартвелл

Великий Орфео

Левитация

Мира Хартвелл

Левитация

«Автор»
2026

Хартвелл М.

Левитация / М. Хартвелл — «Автор», 2026

Вечер премьеры юбилейного турне. Вивьен Кросс снова поднимается под купол павильона в кресле, укрытом покрывалом, — тот самый фокус Левитация собора, что когда-то принёс ей имя. Аплодисменты. Кресло опускают. Артистка не встаёт. Заключение судмедэксперта звучит как начало расследования: смерть наступила после подъёма, а не во время. Значит, пока весь зал задрал головы к помосту, внизу у кого-то было своё дело — в коридоре, у пульта, у служебной двери.Кэсс Найт тридцать лет простояла у постелей больных и знает: правда о человеке прячется в мелочах. Бывший фокусник Орфео Уинтерборн знает не меньше: чудес не бывает, бывает рука, которая их делает. Теперь им двоим предстоит понять, чья рука легла на этот фокус. Всё в павильоне указывает на невозможное — а невозможное, как знает Орфео, это просто трюк, который ещё не разгадан.«Левитация» — уютный детектив о том, что ничто в воздухе так прочно не держит, а за кулисами всегда остаётся тот, кого не видно со сцены.

© Хартвелл М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Правила на обороте афиши 6
Глава 2. Третье кресло 11
Глава 3. Дневная проверка 16
Глава 4. Не для зрителей 21
Глава 5. Неудобная память 26
Глава 6. Под покрывалом 31
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Мира Хартвелл
Левитация

Правила Орфео. Книга третья. Начало — роман „Сеанс окончен“

Глава 1. Правила на обороте афиши

Всю ночь над набережной выло: мусор сбивало к стенам, ставни гремели, вывески трепало. К утру ветер добрался до витрины лавки «Секрета нет» и прибил к ней кое-что покрупнее.

Орфео подошёл к двери ровно в десять и обнаружил, что день начался без него. Афишу прижало к стеклу целиком, плотно и покорно; хлопал на ветру только верхний край.

— Рановато нам гастроли. — Орфео выуживал ключ из кармана и примерялся к замку.

— Это не гастроли, — поправила Ана, подходя с другой стороны и отдувая замёрзшие пальцы. — Это наглая реклама на чужом стекле.

— Наглая обходится дешевле всего, — отозвался он и снял бумагу со стекла. Та оторвалась с сухим треском и пахла типографской краской, дождём и чужой ночью.

Крупным шрифтом значилось: «Юбилейное турне. Левитация собора», ниже помельче — антрепренёр всего предприятия Оуэн Блейк, ещё ниже контур павильона на Королевском пирсе и обещание единственного вечера. Дату — тринадцатое февраля — ветер не сорвал, но края афиши измочалил наверняка.

— «Левитация собора», — прочитала Ана вслух и покосилась на деда. — Это же твой старый номер. Единственный, про который ты не рассказываешь.

— Про хорошие номера рассказывают редко, их показывают. — Орфео положил афишу на прилавок плашмя. — А про этот я молчу сорок лет и, как мне казалось, навсегда.

— Расстались вы, — согласилась Ана, отряхивая шарф. — А он вернулся с рекламой на всю витрину.

— В этом весь ремесленный сервис, — проговорил Орфео, разворачивая плакат к свету. — Никогда не звонят заранее.

— Может, это просто похожий номер, — наивно предположила Ана. — Названия воруют чаще, чем мелодии.

— Этот украден у меня, — ответил Орфео, — только расписался в этом чужой антрепренёр.

Внутри лавки держались три запаха: старой бумаги, чая и мокрой шерсти Аниного шарфа. Орфео включил маленькую плитку, поставил на неё чайник и мысленно сосчитал, что осталось: урок сегодня в пять вечера, репетиция в субботу в десять утра.

— План урока вчерашний, — сказала Ана, выкладывая на прилавок блокнот с резинкой. — Тема новая, кресло старое, ассистент один.

— Ассистент у нас на содержании, — утешил её Орфео, доставая чашки. — Ты держишь афишу так, будто она мне должна.

— Держу, раз она вернулась. — Ана придвинула коробку с маффинами. — Должна?

— Должна, — Орфео придвинул к ней чашку, — с сорокалетними процентами, как я понимаю. — Кофе у нас не пьют, только чай и сплетни.

Чай Ана принесла из дому в термосе и настаивала на чабреце, отчего в лавке пахло не только старой бумагой, но и летним лугом, которого в феврале не бывало даже в мечтах.

Колокольчик звякнул в третий раз, тонко и зябко: должно быть, сам простудился в прихожей. Вошёл Артур Данн с картонной папкой, прижатой к груди, подпёр плечом дверь и произнёс без всякого приветствия:

— В мои времена афиши вешали на гвозди, а не прибивали к чужому стеклу.

— И вам доброе утро, — приветствовал он, придвигая табурет. — Сквозняк принёс или ветер донёс?

— Я при деле, — отрезал хранитель, но табурет принял и папку положил на колени, словно дитя. — Чай до дела, а дело после чая: так говорили в прежние годы.

— Так говоривали, — подхватила Ана, наливая чай раньше, чем он успеет отказаться. — Пейте, Артур, а потом удивляйтесь, почему он остыл.

Хранитель подчинился, потому что спорить с Аниной настойчивостью в его времена пробовали однажды и больше не пробовали. Потом достал из папки конверт с синей павильонной печатью и подвинул через весь прилавок, двумя пальцами за угол, как хранят музейные бумаги.

— Оуэн Блейк просил передать лично. — Артур следил, чтобы никто не протянул руку раньше времени. — Приглашает на репетицию: суббота, десять утра, помост и весь служебный обход.

— Щедрое приглашение, — заметил Орфео, разглаживая печать ногтем. — За чужой счёт всегда щедро.

— Там не только тебе, — проворчал Артур, перекладывая папку на другое колено. — Там всем, кто по документам имеет отношение к номеру. Документ, между прочим, сохранился: договор показа, с подписями и печатями.

— Документ сохранился, а люди нет, — повторил Орфео суше, не поднимая глаз от конверта.

— По бумагам моё отношение датировано прошлым веком, — добавил он и вскрыл конверт. Внутри лежал гладкий типографский лист, а под ним карточка состава: тонкая бумага, аккуратная машинка, чужие подписи.

Строку «Левитация собора — ведёт номер Вивьен Кросс» он прочитал дважды. Потом положил карточку на стол, накрыл ладонью, будто та могла улететь от сквозняка, и подвинул так, чтобы её не было видно от двери.

— Вивьен, — имя прозвучало вполголоса, и в лавке на секунду стало слышно, как за стеной капает с крыши вода.

— Кто это? — спросила Ана, потому что такие вещи она спрашивает быстрее, чем думает.

— Ассистентка из давнего номера, — сказал Орфео ровным голосом человека, читающего чужой прейскурант. — Номер был плохой, ассистентка ни при чём.

— Почему номер был плохой? — не унималась она, и карандаш её уже завис над блокнотом.

— Потому что вёл его я. — Орфео подождал, пока внучка сама додумает остальное. Ана додумывать не стала, только подчеркнула что-то в блокноте дважды.

— Вивьен Кросс, — проговорил Артур, глядя куда-то в потолок и в печку сразу, а не на карточку. — В мои времена она носила сценические плащи тяжелее, чем весь наш пирс. Ходила с тобой рука об руку, а потом исчезла.

— Не исчезла, — поправил Орфео, переворачивая карточку текстом вниз. — Ушла туда, где её не обвиняют вслух.

Артур хотел ответить, передумал и вместо этого развернул из ткани старую афишу «Левитации» — разбухшую от сырости, с волнистыми краями и оторванным уголком.

— Из музейного хранения, — он начал издалека, придерживая бумагу обеими руками и не собираясь отдавать. — Лежала в подвальном шкафу, а шкаф протекал три зимы. Ты у нас мастер по бумагам: почини рамку.

— А кто её туда положил? — спросил Орфео, не спеша забирать афишу.

— Я, — признался Артур, и признание стоило ему целой секунды молчания. — Подвал, по тогдашним понятиям, считался хранилищем, а не испытанием бумаги.

— В наши времена его перестанут топить, — сказал Орфео, беря афишу за уголок. — Рамку починим к вечеру, успеется. Урок важнее, а бумага подождёт: она терпеливая, в отличие от нас.

Он перевернул старую афишу рубашкой вверх и разгладил тыльную сторону ладонью. Вдоль самого края пять строк шли карандашом — по-врачебному быстро и небрежно, но каждая буква стоила своего места.

— Это что за строчки? — Ана подалась вперёд, и карандаш её пополз к листу.

— Правила, — сухо бросил Орфео, но прикрывать было уже поздно. — Мои, старые. Написал на скорую руку, не выбросил, а спрятал, что куда хуже.

— В рамках висят другие, — Ана прищурилась на лист. — И по счёту рознятся: «куда просят смотреть» у вас вторым номером шло.

— В рамках — казённые, для города. А эти — домашние, с них всё началось; порядок в них не казённый, а ученический. Урок ведём по ним: чему сам дольше всего учился, то первым и идёт.

— Воскресный урок, — объявила Ана, вытаскивая из рукава второй карандаш. — Я его веду по плану, поэтому по порядку. Ты диктуешь, а я записываю и проверяю.

— По порядку, — согласился он, пододвигая к ней лампу. — Читай вслух: под каждым карнизом слышно, а к утру сплетня разойдётся по всему пирсу.

— Правило первое: слушай прежде чем объяснять, — прочитала Ана и обвела строку карандашом. — Это про что, если совсем коротко?

— Коротко не бывает, — сказал Орфео, следя за чайной струйкой, — но попробую: слушать надо дольше, чем говорить, иначе объяснишь не событие, а собственные догадки о нём.

— Правило второе: ошибка и вина — не одно и то же, — прочитала Ана. — Это самое трудное из пяти?

— Это самое долгое, — прибавил Орфео, ставя чайник на подставку. — Его я выводил дольше остальных четырёх и до сих пор не вывел.

— Правило третье: публика смотрит туда, куда её просят, — прочитала она и покосилась на витрину. — Это же прямо про нашу афишу: все будут смотреть на левитацию и никто на помост.

— На помост смотрят те, кто за него платит, — возразил Орфео, — и страховая компания, у которой взгляд всегда тренированный.

— Правило четвёртое: мы не ищем магию, мы ищем вес, — прочитала Ана, приподнимая крышку коробки с маффинами. — А где вообще искать вес?

— На весах, — Орфео обвёл рукой лавку, — и в людях: в людях он всегда больше заявленного.

— Правило пятое: секрет никогда не в замке, — дочитала Ана и подвела черту под списком. — Всё, пять штук целиком получились. И вопрос для детей готов?

— Вопрос у нас один, — сказал Орфео, задвигая свежую афишу под прилавок: почему зал путает остановившуюся вещь с застывшим человеком.

— Потому что за человеком нужен ответственный. — Ана откусила маффин с корицей. — Ответственный всегда интереснее механизма.

— Правильно, — кивнул Орфео, и в горле у него застряло что-то, не имеющее отношения к чаю. — Герой проще шестерёнки и требует куда меньше репетиций. Наша задача — научить детей смотреть не на героя, а на того, кто направил их взгляд.

— Нужна демонстрация, — решила Ана, откладывая карандаш. — Без реквизита дети мне не поверят ни в одно правило.

Орфео придвинул из угла старое ученическое кресло, набросил на него Анин шарф и отступил на шаг, оценивая результат. Выглядело так, будто в кресле кто-то сидит под пледом.

— Попроси детей смотреть на мои руки, — Орфео поднял ладонь, — и они увидят руки. Попроси смотреть на кресло — увидят кресло и выдумают, что в нём кто-то сидит.

— А попроси смотреть на шарф? — спросила Ана.

— Тогда жди скандала и возврата билетов, — сказал Орфео. — Покрывало прячет кресло, а не человека. Запомни эту формулу, она сегодня экономит нервы.

— Запишу слово в слово, — сказала Ана, и карандаш её чиркнул по бумаге, отмеряя урок по правилам, а не по сказкам.

— И не роняй на них кресло, — добавила Ана, зарисовывая схему в блокноте. — Предупреди детей заранее, чтобы не визжали.

— А останавливать кресло кто будет? — спросил Орфео сам себя и сам ответил: — Я. Остановившаяся вещь ни о чём не просит. Застывший человек, наоборот, просит, чтобы его разбудили: вот дети и пугаются. Наша задача — научить их спрашивать, кто нажал кнопку.

— Кнопка, человек и вопрос, — вывела Ана, — и только потом остальное.

— Только потом, — согласился Орфео, поправляя кресло. — Чудо — это трюк, на который не хватило репетиций.

Из-под прилавка он достал плетёную переноску. — Торжественный выход в воскресенье остаётся за нами двоими: я под лампами, Гудини при мне, аплодисменты делим пополам.

— А если он откажется выходить? — спросила Ана, подозрительно глядя на плетёные борта.

— Он согласен на любые условия, — утешил её Орфео, сажая кролика внутрь и опуская крышку. — Ему платят морковными маффинами, а инфляцию он не читает.

Защёлка не щёлкнула. Орфео не стал перепроверять, решив, что защёлка разберётся с собой сама, и вернулся к столу, где уже дымился чай.

Первая репетиция началась раньше срока. В какой-то момент Ана спросила, где ассистент, и лавка ответила ей тишиной: в переноске лежало пусто, тёплое от сена и совершенно без кролика.

— Вот и первая репетиция. — Орфео поднял крышку и оглядел пол. — Ассистент покинул театр до выхода, и это даже похоже на старую школу.

— Он ушёл без маффина, — сказала Ана, заглядывая в переноску и нюхая сено. — Значит, дело не в еде, а в принципе.

— В принципе, — подтвердил Орфео, опускаясь на колени и заглядывая под прилавок. — Он у нас принципиальный, а не голодный: по отсутствию скромности заметно.

— Ты ещё говорил, что он согласен на любые условия, — заметила Ана.

— А вы говорили, что урок в пять, — ответил Орфео. — Урок, как видите, начался раньше.

На дне переноски полеживало несколько травинок сена, на подоконнике темнели отпечатки лапок, а вдоль верхней полки тянулась чистая дорожка, ничем не занятая.

— Красивый выход, — признал Орфео, разводя руки в стороны. — Без занавеса, без афиши и без единого зрителя в зале.

— Без улик, — добавила Ана, поднимая с пола сухое сено и рассматривая его на свет.

— Как фокусник, — признался Орфео, заглядывая под ящики с реквизитом.

— Только без зрителей, — подхватила Ана, присаживаясь на корточки рядом.

— И без рукоплесканий, — закончил он, выпрямляясь и придерживая спину.

— Может, поискать его в цилиндре? — предположила Ана, снимая с гвоздя цирковой цилиндр, реквизит для воскресного урока. Гудини шляп не выносил, и прятаться в них ему мешало чувство собственного достоинства, а не память.

Цилиндр оказался пуст, если не считать щепотки сена на донышке. В коробке с программами, где бумага приятно шуршала, оказались только программы; за мешками с мукой, в шкафу с плащами и под половицей, куда кролик теоретически пролезть не мог, тоже никого.

— Он в лавке, — сказал Орфео, поднимая с пола травинку. — Сено свежее, крошки тёплые: значит, он здесь и он наглый.

— Может, он у Кэсс? — предположила Ана, вытирая руки о передник. — В Комнате тишины тепло, и там его никто не торопит.

— Он не прячется, он отдыхает, — различил Орфео. — Кролики ценят акустику не ниже любого критика, а критиков он, как и я, не жалует.

— Кэсс держит дверь, а не беглых ассистентов, — сказал Орфео и вытащил из кармана морковку, лежавшую там с утра, по его выражению, совершенно случайно.

— Морковь, — позвал он в глубину лавки голосом, каким за кулисами зовут того, кто сорвал номер. — Свежая, вчерашняя, слегка усохшая, зато без очереди.

За ларьком, в котором Мариу по утрам привозил булочки, что-то зашуршало в такт обжорству, и Орфео мысленно снял перед этим существом шляпу. Гудини сидел между ящиками — тёплый, пряный от корицы, он смотрел на морковку с выражением человека, у которого просят расторгнуть контракт.

— Предатель, — сказал Орфео, поднимая его на уровень глаз. — Мы ищем вес, и вот он, весь в наличии.

— Он не предатель, — возразила Ана, забирая кролика и утыкаясь лицом в шерсть. — Он коммерческий: это совсем другая должность.

Переноску закрыли на обе защёлки; вторую проверили дважды и остались довольны.

— В мои времена кроликов держали в вольерах, а не на воскресных уроках, — проворчал Артур, собирая папку и натягивая пальто. — И защёлки у вольеров были честные.

— У любой защёлки есть слабина, — заметил Орфео. — В этом и состоит правило пятое.

— Дети спросят, где ассистент, — сказала Ана, ставя переноску в тёплый угол.

— Скажем, что ассистент демонстрировал четвёртое правило, — решил Орфео. — Вес у него есть, в отличие от совести.

Артур ушёл, прихватив из коробки последний маффин; Ана заметила это и промолчала из уважения к его годам.

Перед уходом он перевернул приглашение карточкой вверх и перечитал напечатанное имя ещё раз. До урока оставалось семь часов, и Орфео твёрдо знал, что к субботней репетиции придут двое: он и тот вечер сорокалетней давности.

Насчёт того, кто из них выйдет первым, он не обманывался решительно ничем.

Глава 2. Третье кресло

До декабря прошлого года в Комнате тишины стояло два кресла. Третье Кэсс притащила в январе с павильонного чердака, когда выяснилось, что люди приходят парами и второму некуда сесть, кроме как в коридор на сквозняке. К февралю пол под его ножками потемнел не только от трения: на этом кресле сидели и те, кому без поддержки не встать.

Кэсс поставила новинку у окна, потому что февральский свет ложится тут ровно и никому не бьёт в глаза. Проверила, чтобы трещина в обивке не поползла дальше, подложила под ножку кусок войлока, чтобы не царапал лак, и налила чайнику запас воды на случай длинного утра.

В то утро первое кресло у печи занял мистер Гаск, в прошлом осветитель павильона. У окна устроилась миссис Фен, казначей пирсовой инициативы, с сумкой, в которой поместилась бы заведующая складом. Среднее кресло осталось свободным, для порядка.

— Весенние торги проверяют, — начал Гаск, укладывая прежний служебный фонарик поперёк колен. — Не сами торги, а условия. Юрист читает бумагу дольше, чем мы все вместе живём.

— Пирс городской. — Кэсс налила ему ровно столько, чтобы чашка не жгла руки. — В арифметику я пока не вступаю; в чай — сколько угодно.

— Вы как раз внутри арифметики, — вмешалась миссис Фен, водружая очки на нос. — Инициатива уже несёт расходы, и я веду каждую копейку, пока сама не начала путать копейки. Инженеру за конструкции — триста сорок, прочее — девяносто.

— Девяносто, — переспросила Кэсс, возвращая чайник на печной уголок, — за что именно?

— За копии протоколов открытых слушаний, — с негодованием сказала Фен. — Бумага нынче дороже чернил, чернила дороже разговора, а разговор бесплатный, если его ведёте вы.

— Бесплатный, но с чаем, — поправила Кэсс. — Такова цена с прошлого декабря, и я её не поднимала.

Гаск хмыкнул, поворошив пальцем подгоревший край маффина, который Кэсс молча придвинула ближе к печи: старый осветитель ел быстро и делал вид, что не заметил угощения, потому что стеснялся.

— Аренда павильона записана твёрдой суммой, — продолжил он уже серьёзно, обогревая ладони о чашку. — Продадутся билеты или нет, погода пустит зрителей или нет, а проверка конструкций оплачена. Мы это и просим юристов поверить, хоть чёрт бы взял их подозрительность.

— Слово они не примут, — ответила Кэсс. — Им подайте цифру и три подписи под ней. У нас в комнате принято наоборот: сначала человек уходит, а цифра остаётся.

— Вот поэтому комитет и просит вас о любезности, — Фен достала из сумки карточку и положила рядом с чашками, ровно по центру, как баланс. — На юбилейном вечере весь передний ряд возрастной. Кто с палкой, кто с кислородным баллоном, кто с собственным мнением о том, как правильно сидеть. Комитет решил, что рассадить их можете только вы: вы единственная в городе усаживаете людей так, что они потом сами встают.

— Я рассаживаю так, чтобы потом было к кому встать, — сказала Кэсс, пряча карточку в передник. — Завтра в десять, если не замёрзну.

— В десять утра, — подтвердила Фен, пряча карандаш в сумку, — и не говорите никому, сколько я плачу юристам: Пегги вставит цифру в колонку, и мне припишут расточительность.

— Я не говорю, — ответила Кэсс. — Я слушаю за чай, и это вся моя экономика. Расточительность — это когда слушают бесплатно.

— А тот вечер в декабре хоть что-нибудь решил? — спросила она, убирая со стола крошки, потому что разговоры об инициативе всегда оставляли крошки.

— Ни единой строчки, — ответил Гаск, допивая чай, хотя зван был только на один глоток. — Торги весной, пирс городской, а между нами и юристами теперь целая папка копий.

— Копии, — заметила Кэсс, — у нас в комнате в единственном экземпляре, и те молчат.

Проводив арендаторов, Кэсс вытерла три чашки, поставила их на место и заглянула в блокнот. Две колонки: время прихода, время ухода. Ни слова о деньгах, ни слова о пирсе. Правило комнаты пережило бы и не таких посетителей.

В дверь постучали без звонка — звонок Кэсс сняла ещё в декабре, чтобы входящий не вздрагивал от собственного прихода.

На пороге стояла Вивьен Кросс: шестьдесят пять лет, волосы собраны, тёмное пальто, в руках сложенный шарф и перчатки, сжатые в кулак, будто она им ещё не простила что-то. Ни сумки с программами, ни папки, ни афиши за пазухой.

— Это у вас здесь гадают, — спросила она, оглядев два кресла, ещё хранившие тепло. — У меня нет ни руки, ни даты, ни горючего случая, а есть только полчаса.

— Здесь можно просто говорить, — ответила Кэсс, пододвигая третье кресло не к печи, а к свету. — Гадание по желанию и бесплатно, а платят у меня за чай.

— Значит, я по адресу, — сказала Вивьен Кросс и села, сложив руки на коленях так, как садятся люди, у которых за плечами сорок лет чужих кулис. — Разговор без афиши. Вам это не в новинку?

— Мне это и есть единственная новинка, — ответила Кэсс, оставив блокнот закрытым. — Пятнадцать лет новостей, и все внутри комнаты.

Она не стала спрашивать, откуда гостья это знает: в Маркхэме новости шли быстрее почты, а сплетни о Комнате тишины опережали обе. Вивьен оглядела полки, печь, окно, за которым ветер мёл набережную, и почему-то проверила, заперта ли щеколда, хотя её не запирали до шести.

— Вы записываете, что здесь говорят? — спросила Вивьен, скосив глаза на суконное покрывало стола.

— Приход и уход, — сказала Кэсс. — Если бы я записывала слова, это была бы не комната, а контора.

— Здесь можно сказать вслух то, о чём при всех молчат, и уйти без последствий?

— Последствия бывают, но не от этой комнаты, — ответила Кэсс. — Комната не доносит, даже когда очень хочется.

— Хорошо, — сказала Вивьен Кросс, и плечи её опустились на два вершка. — Тогда я скажу то, за чем пришла. Если будет тяжело слушать, прерывайте: на сцене меня не прерывают только очень вежливые, а я сегодня устала от вежливости.

— Здесь никто не на подмостках, — заметила Кэсс, ставя перед гостьей чашку, которую та не просила. — Здесь даже я в зрительном зале.

— На афишах моё имя набрано крупнее, чем прогноз шторма, — сказала Вивьен, повертев чашку, но не отведав. — Вот я и пришла туда, где его сегодня никто не наберёт.

— Чай стынет, — заметила Кэсс через некоторое время.

— Пусть стынет, — ответила Вивьен. — Я всю жизнь пила остывший: на гастролях по-другому не выходит, зато привычка к неудобству спасает лучше шарфа.

Дальше Кэсс слушала так, как слушала тридцать лет в хосписной палате: без блокнота, без переспрашивания, заполняя паузы только плеском чайника и потрескиванием печи. Вивьен говорила не про сцену и не про гастроли, хотя завтра весь город говорил бы именно про них. Она говорила про другого человека и про очень старый вечер, но имена называла так редко, что Кэсс решила: имена гостья приберегла для мест, где их разрешено выкрикивать.

Что именно было произнесено за эти полчаса, Кэсс потом не смогла бы пересказать целиком — не оттого, что ей запретили, а оттого, что такие слова не переносятся в пересказе без потери веса. Один раз Вивьен спросила, не станет ли завтрашняя афиша больше того, что она сегодня сюда принесла. Кэсс ответила, что афиша громче, но не тяжелее. Вивьен рассмеялась — кажется, впервые за день, — и именно поэтому согласилась остаться ещё на десять минут, хотя торопливые шаги в коридоре намекали на другое.

Уходя, гостья задержалась у двери и спросила, зачем третье кресло стоит у окна.

— Чтобы видеть и не быть видимым, — сказала Кэсс. — Кому-то нужнее первое, кому-то второе, кому-то третье.

— Мне сегодня подошло второе, по свету, — ответила Вивьен Кросс и ушла по коридору, не шаркая, ровно и быстро, как ходят люди, сорок лет выходившие под барабан.

Вечером мистер Гаск, дожидавшийся чая в фойе, спросил, кто такая эта дама без программ, и Кэсс объяснила: арендаторша.

— Неужели и всё, — не поверил Гаск, придвигая к себе сахарницу без стеснения. — Она смотрела на вас, как на репертуар, который снимают с афиши.

— И это тоже, — согласилась Кэсс. — Вопрос в том, кто забирается в чужой зал мыслями. Я не пущу.

Утро пятницы началось с ветра, пахнущего краской: в павильоне на Королевском пирсе всю ночь подкрашивали раму и сушили зал калориферами. Внутри было холоднее, чем на набережной, зато не дуло, и Кэсс решила, что это единственная разница между зданием и человеком, которая её сегодня интересует.

Передний ряд уже напоминал курорт на выезде: палки у локотков, термосы у ног, у одной дамы баллон с кислородом, замотанный в шарф так, что он походил на туго запелёнатого младенца. Список комитета Кэсс несла в кармане, и против половины фамилий стояли пометки: палка, лекарство, «сесть подальше от входа, но поближе к выходу» — странные, впрочем, как и все человеческие пожелания.

— Вам в первый ряд и к проходу, — сказала Кэсс хозяйке баллона. — Там и воздух, и выход.

— Воздух нынче везде с платой, — ответила та, и весь ряд вежливо рассмеялся, а с помоста повернулась даже миссис Льюис.

— Первый ряд, левее, — потребовал мистер Таббс, в прошлом комик-фокусник, стуча тростью там, где она уже стояла. — И не спорьте. Я сорок лет сидел так, чтобы меня видели, а теперь хочу видеть страховку собственными глазами.

— Страховка на сцене, а не в зале, — ответила Кэсс, перенося трость за ножку кресла, чтобы о неё никто не споткнулся раньше славы.

— Значит, посмотрю в упор, без афиши и без подсказки.

— Тогда вам вот это кресло, у прохода: и упор, и выход, — решила Кэсс и усадила его прежде, чем он успел согласиться на обратное.

Миссис Оджер, когда-то гнувшаяся в цирковой программе в обе стороны, отказывалась от кресла с подлокотниками наотрез.

— Меня усаживают, будто я из теста, — сказала она, отводя предложенную руку. — В тридцать лет я складывалась без перил, а в шестьдесят сложилась бы ещё раз, но уже из вредности.

— Тесто не сидит в заднем ряду, — возразила Кэсс, ставя ей стул у боковой двери. — Вам здесь: не придётся перешагивать через кабель-канал, пока его не одели в ковёр.

— Так бы сразу и сажали, — проворчала миссис Оджер, но села ровно туда и даже не стала спорить с термосом, который сунул под сиденье мистер Гаск «для состава», не спросив, нужен ли составу состав.

— Для состава — самое то, — одобрил Гаск, не поднимая головы от своей чашки.

— Для состава — это вода, — сказала Кэсс. — А в вашем термосе заговор против чая.

Миссис Фен ходила по залу со списком и ужасом: юристы требовали протокол рассадки, потому что слушания должны сохранять открытость даже для тех, кто никогда не сидел в первом ряду.

— Внесите и меня, на моё место и с правильно написанной фамилией, — попросила она Кэсс. — Три года назад в газете мою фамилию написали через одну букву, и я три года ходила без неё, как генерал без эполет.

— Протокол у юристов, а эполеты при вас, — ответила Кэсс, укрывая пледом уже задремавшего Таббса. — Напишу так, чтобы ни один юрист не споткнулся.

Пегги Осгуд крутилась у задней стены с блокнотом, точила карандаш о ладонь и делала вид, что просто согревается.

— Рассадку не записывайте, — попросила Кэсс. — Это не факт, это чувства.

— Чувства тоже факты, — возразила Пегги, — только сгорают медленнее.

Пока Кэсс выставляла табуретки для тех, кому долго стоялось тяжело, у кулисы Джо Пирс расстил на столе огромный лист с планом настила и спорил с невидимым оппонентом, стирая ластиком собственную подпись.

— Кэсс, вы кстати, — позвал он, не поднимая головы. — Садите старших левее четвёртой колонны: оттуда и свет, и тень, и приличия, а колонна не загораживает край настила.

— Приличия держатся лучше теней, — ответила Кэсс, придвигая ему табурет, потому что человек с линейкой обязан когда-нибудь садиться.

Она мельком посмотрела на лист, потому что сегодня её путь по залу лежал рядом с тем же маршрутом, которым придётся водить палки и баллоны: настил с разметкой, а за плотным боковым задником — служебный переход, полоса остановки подъёмной платформы, страховочный пост и спуск вниз, в служебный коридор.

— Мостик, пост и лестница, — подтвердил Джо её взгляд и ткнул карандашом в три значка. — Больше вам знать сегодня не за чем, и я искренне рад, что вы не спрашиваете.

На помосте женщина в рабочей жилетке, которую Джо назвал миссис Льюис, натягивала страховочную линию и пробовала перила носком ботинка, разговаривая с железом ласково, как сиделки разговаривают с упрямыми пациентами.

— Ваш план на вечер, — сказала Мэй, не отрываясь от узла, — пусть старшие не лезут правее пятого ряда: оттуда лестницу видно криво, а люди начинают волноваться за чужих артисток и забывать про собственный пульс.

— Запомнила, — ответила Кэсс, хотя не записала ни строчки: чужой пульс она слушала всю жизнь и записывать его считала невежливым.

— Я стою на посту всё время, пока подъёмник наверху, — добавила Мэй, будто извиняясь. — Схожу последней, как вахтенная на маяке.

— Я тоже схожу последней, — сказала Кэсс, — только с подносом.

Больше про план она не спрашивала: не её высота, не её кресло и не его механизм. Её работа — чтобы к одиннадцати в зале было тепло, к двум чай, и чтобы никто не упал по дороге за добавочной ложкой.

Ближе к обеду Кэсс возвращала Джо табурет, которого не хватало, и наклонилась к листу, потому что ножка цепляла угол линейки. У лестницы, между значком страховочного поста и припиской про задник, чужим тугим карандашом — не Джо, у того почерк с наклоном в другую сторону — было выведено время и короткий росчерк сбоку: «19:42. Проверено».

— Когда успели это написать? — спросила Кэсс у пустого конца стола, где Джо спорил с мистером Таббсом про страховку и явно проигрывал.

Никто не ответил, а миссис Льюис только затянула последний узел и спрыгнула с помоста, едва коснувшись пола, — так спускаются люди, для которых падение является личным оскорблением.

О том, что говорила Вивьен Кросс, Кэсс в этот день не обмолвилась ни с одним живым человеком, а мёртвым, по её многолетнему опыту, спешить было некуда. Дома она по правилам записала два времени: своё и чужое, когда приходила миссис Фен сверять список мест. Потом у остывающего чая достала блокнот обратно и дописала третьей строкой, для себя: «19:42». Чей карандаш оставил эту строчку на чужом плане, она не угадывала; но дорогу к лестнице, казалось, кто-то прошёл раньше неё и очень торопился отметить, что она исправна.

Глава 3. Дневная проверка

Ветер шёл по Королевскому пирсу прямо в лицо, а Орфео Уинтерборн шёл ему навстречу, потому что в семьдесят два года спорить с погодой — дурная привычка, а проигрывать ей ещё хуже. Набережная на ветру звенела фалами, и даже чаек не было видно: в такую погоду они сидятся по сваям и не спорят. В кармане пальто лежала записка Оуэна Блейка с обведённым дважды временем, и там же, рядом, мирно покоилась морковка для Гудини; Орфео притворялся, что она попала в карман случайно, а морковка поддерживала эту легенду молча. Под мышкой была папка с собственным экземпляром афиши «Левитации собора» — единственной подлинной бумагой, какую дозволено приносить приглашённому специалисту.

Средняя строчка записки гласила: «прошу заглянуть на дневную проверку подъёмника, до всяких репетиций», а ниже стояло объяснение, из-за которого Орфео шёл и думал: «как консультанту по исторической части номера». Историческую часть он знал в этом городе лучше всех, вот только к живой истории его приглашали редко и обычно накануне поломки.

У дверей павильона перехватил Джо Пирс, в рабочей куртке, с ключами на поясе; ключи звенели на каждом слове, будто аккомпанировали речи.

— О, вы как раз вовремя, — обрадовался Джо и повёл внутрь, не дожидаясь ответа. — Канал уже смонтирован, шлейф в аккурате, пульт на виду у зала. Смотрите сами, потом скажете.

— Скажу обязательно и без всяких церемоний, — пообещал Орфео, входя следом в холодный зал. — В моём ремесле слово «консультант» означает, что сомнения уже есть и ищут лишние глаза, на которые потом удобно сослаться.

Внутри пахло металлом, старой краской и остывшим кофе из чужого термоса; свет высоких окон становился видимым от пыли, количество которой здесь никто не считал. На середине зала стоял подъёмник: одноместная платформа, кресло с подлокотниками, боковой задник, за которым прятался служебный мостик, откидной переход с перилами и лестница вниз, в служебный коридор; у самой лестницы светилась лампочкой дежурного режима закрытая будка пульта.

— На какой высоте у вас тут предусмотрена пауза? — спросил Орфео у тёмного полотна.

— Чуть выше мостика, там и стопорить не надо, машина сама встаёт в заранее согласованную точку, — быстро объяснил Джо. — Задник плотный, мостика из зала нет, зрители его в упор не видят; если и проглянет щель, то только для тех, кто пришёл спорить.

— А переход откидной, он крепко держит? — Орфео попробовал перила откидной площадки на крепость; площадка держала намертво, так держат вещи, которые привинтили вдвое против нормы.

— Штатный, с фиксатором, не пружина, — сказал Джо. — Дамочка идёт по нему сама, в отдельной страховочной линии, а линию проверяет наблюдатель; это в росписи постов и в техплане, никакой импровизации.

— А кого вы наняли в наблюдательницы? — поинтересовался Орфео, услышав за задником женский голос, который ласково уговаривал железо, как уговаривают упрямого пациента.

— Мэй Льюис, профессионалка, приехала с гастролями с севера, — ответил, не оборачиваясь, человек с планшетом, до сих пор не поднявший глаз от экрана. — Пост она займёт в вечер шоу, а сегодня рада своему узлу и чужих не терпит.

— А покрывало в какой момент опускают? — спросил он, чуть наклонив голову к сложенной ткани у стойки.

— После фиксации, раньше никак, — ответили Леон и Джо одновременно, переглянулись и из вежливости разошлись: механизм объяснял Джо, бумагу — Леон Вард, ответственный механик гастролей.

— Тогда всё честно, — сделал вывод консультант: до закрытия кресло поднимается на виду, после закрытия публика видит ткань, а не пустоту.

— Пульт-то ваш хоть настежь держите, — заметил Орфео, не отводя глаз от будки. — А командует он чем именно?

— Подъёмом и только, — заверил Джо. — Ни дверью, ни лестницей пульт не рулит; хоть вприсядку на нём пляши, ничего лишнего не откроется. Это даже в инструктаж наблюдательницы вписано.

Орфео обошёл будку с двух сторон, понюхал смазку на открытом фланце и остался доволен: пахло свежестью, а не экономией.

— В восемьдесят седьмом такие будки ставили на всю сцену, — вспомнил старый фокусник. — Чтобы любой желающий мог остановить королеву «случайно», просто наступив не туда.

— А расскажите на всякий случай, как оно шло встарину, без всего этого, — попросил Джо, и в голосе у него слышалось уважение к чужому архиву.

— Кресло поднимали открыто и ставили прямо на глазах, — сказал Орфео. — Недостающее зал достраивал сам, оттого и верил. Нынешний зритель сперва требует «чем», а уже потом «как»; я против такого порядка не спорю, выходит честнее.

— Сертифицированный, блокировка механическая, кресло штатное, — продолжал тем временем Леон, возвращая разговор к железу. — Пробный подъём и спуск, дальше журнал.

— Нам в восемьдесят седьмом хватало верёвки и совести, — заметил Орфео, оглядывая станину. — Приятно, что совести добавили железа.

У механика дёрнулся угол рта — Орфео прочёл эту мину как улыбку, на которую его профессия соглашается раз в году.

Платформа пошла вверх ровно и медленно, без единого рывка, и поднятое кресло выглядело с пола чуть нелепо и трогательно, будто его хозяйские руки оставили гостей подождать. Гость стоял внизу, переводя монету через пальцы, и считал секунды подъёма привычкой, которой было сорок лет.

Спуск начался штатно: привод загудел ровно, платформа пошла вниз, и вдруг раздался короткий сухой щелчок, после которого ход замедлился, будто механизм за полу ухватили. Леон приложился ладонью к направляющей, подвигал защёлку ключом и поморщился красноречивее всяких приборов.

— Защёлка тугая, — вынес он приговор. — Сопротивление привода есть, его и приборчик рисует, и рука чувствует. Предлагаю демонстрацию отложить до замены детали.

— А до какого именно числа откладывать? — встрепенулся Джо, забегая вперёд на два шага.

— Прогон пустым креслом, без всякого номера, — отрезал механик и начал писать на планшете крупными тычками, словно приколачивал. — Запись в журнал дневной проверки: защёлка изношена, сопротивление зафиксировано, узел подлежит замене. Дата сегодняшняя, подпись моя.

— Откуда износ-то взялся на свежем монтаже? — не понял Джо, и ключи у него на поясе недоуменно звякнули.

— От свежего монтажа и бывает, — буркнул Леон. — Пыль, соль с набережной, мороз по ночам. Железо глупым не бывает, оно честное: что с ним делают, то оно и показывает.

— А силой не попробовать, дёрнуть посильнее? — спросил Джо в надежде, что техника одумается от уважительного усилия.

— Силу попробуем на новой детали, — остановил его Леон. — Сейчас мне достаточно собственной ладони.

— А менять её чем будете? — спросил Орфео, и ключи у Джо звякнули в поддержку вопроса.

— Менять будем гастрольным комплектом целиком, — сказал Леон ровно, не прекращая сверку. — Запчасть в ящике с пломбой, за срыв пломбы договор пеню предусматривает. И пеня за это, разумеется, не моя собственная.

— А чья же пеня, позвольте полюбопытствовать? — уточнил Орфео совершенно не для протокола.

— Той, которая попросит не менять, — механик наконец поднял глаза на вошедшего в проём Оуэна Блейка: шестьдесят восемь лет, пальто поверх костюма, который когда-то был визитной карточкой, а теперь походил на карту с перерасходом. — Как раз идёт.

— Что значит «отложить»? — спросил Блейк в пространство между механиком и креслом. — Слово «замена» я услышал ещё у дверей, и оно мне не нравится на слух.

— Оно наземь брошено, чтобы не переспрашивали, — ответил Леон, не оборачиваясь. — Детали не спрашивают, нравится ли им; не спрашивают и не извиняются.

Блейк потребовал кофе, присутствующих не выбирая; Джо сходил к калориферу, где грелся жестяной кофейник, и налил в кружку с отколотым краем, потому что другой посуды в павильоне не водилось. Антрепренёр принял кружку как подаяние и продолжил допрос платформы.

— Поправьте, проверьте ещё раз, и довольно драмы, — предложил он, разминая пальцы.

— Проверили, — признал механик. — Приборчик нарисовал кривую на второй половине спуска. Мне довольно того, что нарисовал; заедания ещё нет.

— Мне тоже довольно того, что нет, — обрадовался Блейк и двинулся к платформе, как к собственному детищу.

Орфео подождал, пока спорщики переглянутся, шагнул к середине зала и заговорил ровно, тем театральным полутоном, которым в старые времена просили тишины в фойе:

— Решение о выпуске принимает ответственный техник, не ветеран номера. Ветеран обязан рассказать, как номер шёл прежде, и он своё рассказал.

— Вы это к чему? — прищурился Оуэн.

— В восемьдесят седьмом кресло поднялось без единой замеченной царапины, а плащ всё равно повело, — объяснил Орфео. — Незамеченное не значит исправное. Я тогда пропустил предупреждение ассистентки; с той поры мнение по этим строчкам у меня категорическое.

— Ваше мнение известно по всей афише, — вставил Блейк и спохватился слишком поздно; механик заинтересовался планшетом с особым усердием.

— Именно поэтому о выпуске я и молчу, — смягчил угол консультант. — А о прошлом говорю: в прошлом у меня стаж неоспоримый.

— Хотя бы ещё одна проверка, — потребовал антрепренёр другим тоном, деловым, как у человека, переводящего разговор в деньги. — Афиши развешаны, билеты в продаже, полгорода купил старице прощальный выход. Отмена вечера — это не арифметика, это позор и возвраты.

— Я заедания под нагрузкой боюсь даже больше, чем возвратов, — сказал механик.

— Павильон-то ваш, общественный, — продолжал Блейк уже мягче. — Вы у себя дома, вам застой не страшен. А я плачу за аренду вперёд и, не ровен час, плачу ещё раз за новый слот.

— Не ещё раз, — раздалось из дверного проёма; там стояла миссис Фен с папкой, явившаяся сверять крепления, и вставлять слова умела между дверью и ответом. — Инициатива получает свою плату за павильон независимо от того, продали вы билетов на тысячу или на двадцать тысяч. Так значится в договоре, я обе строчки проверяла дважды.

— Неужели и касса ни при чём? — удивился Орфео, хотя уже понимал, чья спешка чего теперь стоит.

— Касса ни при чём, при чём договор, — с чувством сказала казначей пирсовой инициативы. — Проверка конструкций и открытые слушания оплачены, хоть пустой зал стой, хоть весь Маркхэм-он-Си в проходах стоит.

— А если вечер сорвётся? — спросил Орфео прежде, чем казначей успела укрыться папкой.

— Комитет потеряет половину смысла, но не половину денег, — сказала Фен точно. — Таковы условия, юристы будут их всю весну проверять.

— Значит, зал получит деньги в любом случае, — подвёл итог консультант. — Не получит их только тот, кто стоит между кассой и разорением собственного турне.

— Между кассой и репутацией, — поправил Блейк.

— Для антрепренёра это один счёт, — заверил старый фокусник и попросил казначейшу это опровергнуть. Миссис Фен, почуяв, что её сейчас вовлекут в собственную арифметику, закрыла папку и ушла искать крепления в глубине зала.

Леон спрятал планшет под мышку, как поварскую доску, и вынес примирительный приговор: узел меняют к утру из гастрольного комплекта, перед прогоном контрольный подъём, акт в журнале остаётся с пометкой как есть, без смягчений.

— Заявку на узел сегодня же заведёте? — уточнил Орфео.

— Сегодня же, при свидетелях, — сказал Леон и продиктовал Джо номер комплекта вслух, чтобы тот заодно запомнил.

— Без смягчений Леон пишет лучше всего, — одобрил Джо.

— Без твоих пометок вообще бы не писалось, — пробурчал механик, но уже без злобы; он знал собственную руку и чужих глаз не боялся, боялся только чужих карандашей.

Блейк потёр переносицу, согласился на утро, прижимая к груди папку с расчётами, и ушёл спорить с телефоном на улицу, где ветер съедал голос. Орфео заглянул в раскрытый журнал: строчка о тугой защёлке, сопротивление привода, дата, подпись — ровно так, как должна выглядеть честная бумага перед честным вечером.

— Три строки перенесу к себе, — сказал он, доставая блокнот, куда заранее переписал правила с оборота афиши, и переписал дословно, не добавив от себя ни слова.

— Переносите, — разрешил механик. — Чем больше копий, тем меньше охотников их терять.

— Глубокомысленно для человека, который всю жизнь разговаривал с железом, — удивился консультант.

Джо тем временем накрыл кресло пробным покрывалом, тренируя глаз на тёмное пятно, и кресло под тканью показалось Орфео слишком похожим на то, кого неохотно отпускают из рук.

— Снимайте, дитя, — попросил он тише. — Это реквизит, а не памятник.

— Я и не ставил, — оправдался Джо и сдернул ткань одним движением, после чего стыдливо поправил перила, которых трогать не следовало.

Дома лавка встретила запахом воска и сдобы, принесённой Аной из пекарни деда; внучка пекаря переписывала правила в тетрадь и ругалась на тушь, пачкавшую пальцы, а Гудини доедал сахарную пыль из ящика с видом бухгалтера, сверившего годовую отчётность с натурой.

— Ну? — спросила Ана, не отрывая пера. — Номер купили или за железо заступились?

— За железо, и оно обходится дешевле, — ответил Орфео, вешая пальто на крючок, который каждую субботу проверял лично. — Оборот дела такой: в журнале дневной проверки защёлка записана тугой, узел меняют к утру, а антрепренёр узнал, что павильон получает деньги независимо от кассы. Теперь у него три причины спешить вместо одной.

— Правило про реквизит говорит, что вещь всегда возвращается на своё место, — прочла Ана с рамки, где эти правила висели с осени. — Может, и защёлка вернётся?

— Вернётся, если её заметили заранее и заменили, — сказал Орфео. — Замеченная неисправность приходит ночью к мастеру, а незамеченная приходит утром к тем, кто пришёл, и никто её не приглашал.

Гудини чихнул в сахарную пыль, будто подавая сигнал, что разговор понят, и Ана рассмеялась впервые за весь вечер.

Поздним вечером Орфео сам позвонил Джо узнать, переписана ли строчка из планшета в бумажный журнал, который Леон по правилам обязан был сдать в дирекцию павильона до утра.

— Перекочевала, — отрапортовал Джо в трубке. — Переписано собственноручно, слово в слово: тугая, сопротивление, замена узла из комплекта, дата та же.

— И без приписок вроде «мелочь, не критично»? — уточнил Орфео.

— Блейк просил приписать «не критично», — сказал Джо. — Леон ответил лицом, с которым смотрят на визитёров в похоронном бюро, и пообещал написать эту строчку самым крупным почерком, но только после того, как старую защёлку поставят в музее под стекло, на бархатную подушку.

— Приказал передать, — добавил Джо на прощание, — что подушку он уже присмотрел в витрине и если мистер Блейк желает дописать «критично» лично, пусть приезжает с пером и доказательствами.

— Передайте в ответ, что я не приеду, — попросил Орфео, — но доказательства у меня в блокноте с сегодняшнего утра.

Положив трубку, консультант посмотрел на клетку, где Гудини устроил второй ярус из его хозяйских перчаток, и дописал в блокнот дату. Если к утру строчка о тугой защёлке останется в журнале на своём месте, вечер обещает быть скучным; если исчезнет — поучительным, и объяснять его придётся уже не ему.

Глава 4. Не для зрителей

Мятный чай Кэсс поставила на стол заранее: в окна Комнаты тишины секло косым дождём, и в такую погоду к ней приходили без записи. Пепельницу она выставила для порядка, а гостевой стул придвинула вплотную, чтобы гостье не пришлось тянуться через скатерть.

Вивьен Кросс вошла без звонка, поставила на стол бумажный стаканчик и положила на колени сумку из плотной ткани, заглушавшую стук дождевых капель. Пальцы у неё чуть дрожали, когда она поправляла сползший с плеча шарф, и она успела посмотреть на пустую пепельницу — убедиться, что здесь действительно не курят.

— Садитесь. — Кэсс чуть пододвинула к гостье свою чашку. — Заметки отсюда ещё никогда не уходили, а печенье сегодня свежее, его Ана принесла час назад.

— Мне и нужен ровно такой разговор, который не попадёт в афишу, — ответила Вивьен и подвинула стаканчик к самому краю стола, только после этого села. — Мне противны платные «личные обращения», которые теперь продают в сети. Голос мой, а слов моих там нет.

— Покажете? — спросила Кэсс просто, пододвигая гостье вазочку с печеньем, потому что Кэсс знала: худшее в людской беде — это пауза, которую каждый заполняет сам.

Вивьен достала телефон, провела по экрану пальцем и повернула его к окну, будто показывала снимок в чужой рамке. Ровный голос без единой паузы поздравлял какого-то Тимоти Поло с днём рождения; интонации были её, сценические, но дыхания за ними не слышалось совсем.

— Внук наткнулся на ссылку и спросил, почему бабушка говорит, будто с граммофонной пластинки, — сказала Вивьен и убрала телефон в сумку. — Люди платят за «личное» поздравление, а я об этом имениннике слышу впервые в жизни. Мне шестьдесят пять, и впервые за все эти годы меня позабавил чужой монтаж с моим лицом.

— И много платящих? — уточнила Кэсс.

— Считать некому, — Вивьен надкусила печенье и тут же отложила его недогрызенным. — Пожилые покупают: признаться в обмане стыдно, вот и молчат, чтобы не выглядеть глупо. Я сорок лет говорила с залом вживую, и моё слово стоило ровно столько, сколько было произнесено вслух. А теперь выходит, что мой голос принадлежит не мне, а подписке.

— У меня тоже бывают личные обращения, — сказала Кэсс. — Тихие, бесплатные и с печеньем, так что у нас с вашей сетью разные весовые категории.

— Значит, подписке стоит платить вам арендную плату, — не удержалась она и тут же спрятала улыбку в чашку, потому что артистки обижаются на шутки не сразу, а на третьей репетиции.

— Арендную плату, — повторила Вивьен и коротко рассмеялась впервые за вечер, сухо и ловко, как смеются над дурной шуткой в гримёрке. — Я передам эту формулировку Нине: у неё специалист по арендным отношениям со всем, что движется и не движется.

— Не подшучивайте надо мной, — попросила Вивьен без всякой обиды и впервые за вечер посмотрела на хозяйку комнаты прямо. — Я пришла к вам с вопросом, а не к юристам. Скажите как сиделка: можно помочь людям вернуть их деньги, не выкладывая всё при всех?

— Можно, — ответила Кэсс, не колеблясь ни секунды и подбирая слова на ходу. — Выходит письмо от турне: было лично, стало не лично, возвращаем по чекам, фамилий не звучит. Пострадавших там называют не глупцами, а обманутыми; разница в одном слове, а спотыкаются об неё годами.

— И ни единого объяснения в семь абзацев, — подхватила она мягко, потому что в этом деле лучше всего работала сухость, та самая, с которой зачитывают вслух утренние расписания.

— Расписание хотя бы честное, — сказала артистка, и в её голосе встал зал, который она держала сорок лет. — Я не боюсь признания, я боюсь жалобы. Люди не должны чувствовать себя дураками из-за чужой коммерции, я их за сорок лет ни разу в этом не убеждала.

— Кто подпишет это письмо, тот всё и придумал, — сказала Вивьен без улыбки. — Продажи ведёт турне, а турне в цифре — это Нина: она держит и сервис, и отчётность, и расписание моих таблеток тоже.

— Тогда и разговор у вас с Ниной, а не с сервисом, — мягко подхватила Кэсс, а дверь ответила за неё, потому что вошла без стука, экономя чужие секунды, и Кэсс успела подумать, что так на сцену не входят.

— Извините, я на минуту, — сказала Нина, стряхивая воду с тонкого плаща; папка под мышкой оставила на рукаве тёмную полосу, капли блестели на воротнике. — Мне сказали, вы у миссис Найт и говорите о поздравлениях, значит, я вовремя, и ни минутой позже.

— Проходите, — пригласила Кэсс и освободила для папки угол стола, сдвинув вазочку на скатерть.

Нина не стала спрашивать про телефон, спрятанный в сумку: поставила папку, достала прозрачный пакет с блистерами и разложила на столе две ровные колонки, как раскладывают карты перед партией.

— Утренняя, вечерняя, — проговорила она, передвигая таблетки по своему невидимому расписанию. — Вечернюю запивайте горячим, не из автомата, а горячим, я вас обеих знаю наизусть лучше, чем вы сами.

— Ты помнишь больше меня, — сказала Вивьен уже тише и пододвинула к себе колонку с вечерними.

— Затем и существую, чтобы артистка не помнила мелкое, — сказала Нина и перешла к папке. — Послезавтра поезд в семь пятнадцать, купе у окна, вы просили верхнее; водитель в шесть сорок пять, подтвердила дважды через две диспетчерские, билет выдадут в кассе. Гримёрную перенесли в левое крыло, список переносов миссис Хобб продублирует вам в гримёрку.

— Спасибо, — Вивьен тронула пакет пальцем и отдёрнула руку. — Ты безошибочна, и это самое дорогое, что у нас есть во всём турне.

— Безошибочность — тоже репетиция. — Нина наконец перевела взгляд на сумку с телефоном и задала первый и последний вопрос за весь вечер: — Это про ролики?

— Потом, — сказала Вивьен ровно и коротко, как отрезают в спектакле, где каждый лишний слог слышен в последнем ряду. — Обсудим потом, когда зал будет знать своё дело наизусть.

— Хорошо, к шести зайду за списком чая для гримёрной, — согласилась Нина, взглянула сначала на собственные часы, а не на Вивьен, и забрала папку с мокрого стула, чтобы не намочить никому репутацию.

Дверь закрылась удивительно тихо для человека, вошедшего без стука, и в комнате остались только дождь, тиканье настенных часов и две женщины, между которыми повис вопрос, кто кому скажет первым.

— Вот она и заботится: безошибочно, — проговорила Вивьен, поворачивая в ладонях холодный стаканчик. — От этой безошибочности тянет перепроверить, не забыла ли она чего-нибудь крупного, вроде права на мой голос.

— Например, чей именно голос продаётся, — Кэсс второй раз за вечер повторила одно и то же имя и пожалела: ответа не вышло, вышла только усталость, та самая, что остаётся за кулисами.

— Если решите говорить, — посоветовала она мягко, убирая с стола пустую вазочку, — начинайте не с сервиса, а с лиц: сначала деньги людям, потом разборки с подрядчиками.

Я видела этот порядок в больничных коридорах тысячу раз, и он никогда не стыдил тех, кто платил.

— В больничных коридорах договариваются быстрее, чем в театральных, — согласилась Вивьен твёрже и спрятала в сумку бланк заказа, который достала, пока Нина говорила о поезде, и остывшее недоверие к чужой безошибочности.

— Пойдёмте на репетицию, — Вивьен поднялась и поправила шарф движением человека, надевающего костюм перед первым выходом. — Я хочу посмотреть переход вашими глазами, а не своими: зритель видит то, чего не видит артистка.

В павильоне было тепло и пахло свежей краской, нагретым железом обогревателя и морем: за высокими окнами волны методично били в сваи пирса, и от этого запах соли пробивался даже сквозь краску. Открытая репетиция набирала приглашённых понемногу, и Кэсс, по своей части договора, расставляла пожилым гостям кресла у проходов, откуда удобно вставать без чужой помощи.

Джентльмен в дождевике, которому выпал третий ряд, спросил громко и с надеждой, полагаясь на возраст:

— А левитировать сегодня будут?

— Будут, — ответила проходившая мимо Мэй Льюис, не сбив шага и не обернувшись, и джентльмен просиял так, словно ему вернули утраченный билет.

— А это безопасно? — спросила его соседка, и Кэсс, отвечая за павильон, не позволила себе соврать:

— Безопасно ровно настолько, насколько безопасен весь этот зал, от подвески люстры до последнего шурупа в настиле, — сказала она, и соседка успокоилась не меньше джентльмена: в их возрасте точность убеждает быстрее ласки.

Орфео побывал здесь ещё засветло, в чине приглашённого консультанта, и ушёл домой молча, что по всем правилам их сорокалетней дружбы значило: машину он одобрил, а все свои сомнения завернёт в бумагу и распишет не раньше утра.

У пульта, сложенное вчетверо, лежало плотное покрывало; ткань была тяжёлая, шершавая на пальцах и пахла складом так, что никакая свежая краска её не перебивала. Сама Мэй разматывала позади подъёмника катушку со страховочной линией и пощёлкивала карабинами, шевеля губами: считала их, кажется, вслух, чтобы ни один не затерялся к премьере.

— Покрывало падает на кресло, когда платформа зафиксирована, ни ударом раньше, — доложила она всем, кто подошёл поближе, не дожидаясь вопросов, как докладывают о погоде в порту. — Для зала оно опускается до того, как откроют переход. Зал видит певицу, потом покрывало, а пустоту не видит никогда, и в этом весь номер, господа приглашённые.

— Зал досочиняет сам. — Вивьен обвела ладонью пустое кресло: поэтому ему пустоту и не показывают, досочинённое залом всегда страшнее написанного.

— А зачем тогда покрывало, если артистка уже уходит? — поинтересовалась леди из первого ряда, и Кэсс про себя отметила, что переспрашивают всегда те, кому собираются объяснить дважды.

— Затем, сударыня, — Мэй терпеливо повернула к ней карабин, будто показывала план выхода из каюты на круизном лайнере, — что номер держится не на полёте, а на доверии: зритель обязан верить в занятое кресло до последней секунды, а инженер — в фиксатор до последней гайки.

— Покажите переход, — попросила Кэсс, и ей никто не ответил словами: вместо ответа Джо тронул пульт, подъёмник послушно повёз пустое кресло вверх, щёлкнул фиксатор, и за плотным боковым задником откинулся мостик с перилами, короткий и деловой, как трап в хорошем отеле.

— Короткий, откидной, перила с обоих бортов, — говорила страховочная наблюдательница, пристёгивая к Вивьен мягкий пояс с отдельным карабином, и руки у неё работали быст-

рее, чем слова. — Платформа встаёт, я цепляю вашу линию, и вы идёте по переходу, нога за ногой, как по трапу, только без чемодана.

— Линия отдельная, не та, что держит кресло? — уточнила Вивьен, позволяя пристегнуть себя, и Кэсс заметила, как ловко артистка приняла эту сбрую: без героизма, по домашним правилам, как принимают подачу мяча на разминке.

— Разные, — ответила Мэй, проверяя застёжку второй раз и третий, и четвёртый тоже, потому что привычка страховочного наблюдателя дороже инструкции. — Перепутать их можно только в дурном сне, а в дурных снах у нас служат люди с моим дипломом.

Пробный переход занял ровно минуту: Вивьен дошла до мостика, коротко подняла оттуда руку сразу всем, вышла на лестницу и пропала за коридорной дверью, а вернулась в зал уже боковой, той, что вела от реквизитной, и ни разу не посмотрела вниз.

— Пять шагов до зала, — заметил Джо, появившийся из служебного коридора, и придержал перед ней дверь, как придерживают перед дамой, только без галантности, по-деловому.

— Не споткнётся даже пианист, — вздохнул кто-то из третьего ряда, и ряд зашушукался, не понимая, смеяться или аплодировать.

Где-то во втором ряду подняли телефон, но никто не успел ничего снять: Мэй не обернулась, а только бросила в воздух, продолжая считать карабины, что телефоны едут в карман, потому что вспышки сбивают счёт. В фойе висело объявление «Съёмка во время проверки запрещена», отпечатанное и заламинированное, и приглашённые его соблюдали: в этом городе людей сильнее правил действует только заламинированная бумага.

Сам план Кэсс уже видела в Комнате тишины, приколотый к листку с рассадкой, и обрадовалась, что на месте он выглядит не схемами, а настоящими перилами, по которым сейчас ходили живые ноги.

Защёлку обсуждали без таинственности, как обсуждают прогноз ветра перед парусной регатой: днём, ещё до прихода Кэсс в павильон, её нашли туговатой и записали.

— Узел придёт с утра, из нашего же комплекта, до премьеры сменим, — говорил Джо на весь зал, будто вывешивал дневное расписание отправления поездов. — Подмену никто не заметит, а заметит — значит, я плохо поработал, и тогда мне стыдно перед публикой дважды.

— Запись в журнал внесена, уйдёт в дирекцию павильона завтра утром, — добавил Леон, не поднимая глаз от пульта, куда он смотрел дольше, чем на собственных коллег. — Крупным почерком, как я и говорил, чтобы читалось с галёрки.

Кому именно он это обещал, Кэсс выяснять не стала: она стояла между вторым и третьим рядом, сверяя приглашённых по Нининому списку, и своей работы на вечер хватало с горлышком, как говорила хозяйка зала, у которой всё под контролем или она делает вид.

— Опустите кресло, — попросила Вивьен с мостика голосом, каким подают выход, и Кэсс увидела, как Мэй развернула покрывало поверх пустого сиденья: аккуратно, как укладывают праздничную скатерть на невидимом столе, после чего кресло выглядело занятым, даже неприлично занятым.

— Хорошее покрывало, — сказала Вивьен, водя ладонью по шерсти и не чувствуя сквозь неё холода. — Прячет кресло, не человека, и за это я готова простить ему даже запах склада.

Так и должно было быть: Кэсс запомнила эти слова, хотя день за сегодня уже накопил запоминаемого больше, чем позволяла приличная память, — помешали, наверное, часы, которые в Комнате тишины считали последние спокойные минуты её вечера, а теперь оказались и здесь, и считали отчего-то подозрительно бодро.

— О деньгах поговорю утром, — сказала Вивьен уже другим тоном, рабочим, каким в её возрасте объявляют сбор труппы перед премьерой, не повышая голоса и не допуская возражений. — Сначала деньги, потом репетиции, потом всё остальное, и Нина услышит слово «вернуть» первой из моих уст.

— Утром так утром, — согласилась Кэсс и только проводила её до служебной двери, где Нина поджидала с термосом и папкой наготове: не за кулисами, а на виду у всего зала, как и подобает человеку, у которого всё сходится.

Потом Кэсс ещё смотрела на план, приколотый у пульта кнопкой так, чтобы его видел входящий: остановка, переход, перила, лестница, коридор, боковая дверь реквизитной — всё до последнего дюйма, карандашом и линейкой, ни одной догадки на волю случая.

— В плане чего-то не хватает, — сказала она негромко, и Леон поднял глаза, без любопытства, из простой вежливости к старшей артистке, стоявшей рядом.

— Чего именно? — спросил он и тут же пожалел, что приучил себя к вопросам, не внесённым в расписание.

— Разговора про деньги, — ответила Кэсс и сама услышала, как тревожно это прозвучало под куполом павильона, где сегодня всё умело прятать пустоту.

Глава 5. Неудобная память

Правая берёт монету, левая отпускает: если цепочка держится, день можно начинать. Орфео проверял руки каждое утро прежде, чем чайник, кролик и ставни, и в это утро цепочка выдержала, только левая разжала пальцы на полтакта позже обычного. Он записал это на счёт холода в лавке и всё равно пошёл открывать ставни.

В пятницу ветер всю ночь мёл набережную, и афиша турне в витрине обвисла ещё ниже: задуваемый край бился о стекло. Дата «тринадцатое февраля» стояла под крупным словом «Левитация», и эта дата в лавке доверия не вызывала. Орфео мог бы повесить афишу ровнее, но повесить ровнее означало признать, что она висит, а с этим он спорил всю неделю, по-стариковски, молча и с гвоздём.

Гудини вышел к витрине по своим кроличьим делам, обнюхал стекло и признал погоду враждебной; к перчаткам на второй ярус он вернулся с достоинством.

Колокольчик звякнул в десять пятнадцать, и в лавку вошла Вивьен Кросс. Она сама сняла пальто, повесила его на крючок у стены и поставила сумку на стул, будто всю жизнь сюда и ходила, а не тридцать лет здесь не была. У витрины она задержалась, прочла афишу сверху донизу, вместе с провисшим краем, и проговорила, не оборачиваясь:

— Красивое слово. Жалко, что подпись под ним глупее.

— Слово на афише и строчка под снимком служат в разных ведомствах, — отозвался Орфео. — Отвечать я согласен только за своё.

— Ты помнишь, сколько лет, — спросила она, разминая замерзшие пальцы над остывшим чайником. — Я помню. В музее под фотографией стоит дата, а музейные даты не спорят и не путаются, в отличие от людей.

— Я помню вечер, — ответил Орфео, не вставая из-за стола, заваленного каталогами к воскресному уроку. — Я помню запах клея, которым клеили декорации, и вопросы репортёров после. Запахи, между прочим, память держит крепче, чем имена и лица.

— Значит, держит выборочно, — Вивьен достала из сумки пожелтевший прямоугольник, завёрнутый в кальку, как бутерброд, который экономят на завтра. — Держи за край, пожалуйста. «Маркхэм геральд», декабрь восемьдесят седьмого. Бумага крошится от любого лишнего пальца, особенно от твоего.

Он взял вырезку двумя пальцами, как берут чужие письма, и прочёл заголовок вслух не потому, что буквы поплыли, а потому, что вслух они звучали ответственнее: «Левитация собора сорвана по вине костюма ассистентки».

— Ты так и сказал, — проговорила Вивьен, глядя не на него, а на его руки. — На пресс-вопросе, слово в слово, и редактор записал это за тобой, а не за мной.

— Я сказал то, что влезало в заголовок, — ответил Орфео и тут же поймал себя на том, что оправдание прозвучало как реклама оправдания. — Заголовки длинных объяснений не любят, ты должна знать это лучше меня.

— А правда в том, что плащ цеплялся за ремень, — произнесла она ровно, тем учебным тоном, каким разбирают с учениками сорванный номер. — Крепление тянуло страховочный ремень на себя, я предупреждала дважды, до репетиции, нормальным голосом, не шёпотом в коридоре. Никто не упал, никто не погиб, подъём ты остановил сам, руками, о пульт. А утром вышел к газетчикам и виноватым назначил мой костюм.

— Костюм я не шил, — Орфео так и держал вырезку на весу, а добавил уже тише, почти себе: — Но вину раскроил я, это верно.

— Вот это и есть извинение, — заметила Вивьен, — только опоздало на сорок лет, как товар с устаревшим ценником.

— Цену я знаю, — Орфео наконец опустил вырезку на стол, краем к себе. — Плащ весил пуд с лишним, и после остановки я снимал его с ремня сам. Просто чужую вину всё это время нёс не тот, кому она по счёту полагалась.

— И самого главного ты тогда не сказал, — продолжала Вивьен тем же учебным тоном, только тише. — Сорванный номер я пережила бы спокойно, номера шьются заново. А чужую вину в собственном свёртке носят долго. Молчать за двоих пришлось мне, с вежливой улыбкой перед теми же газетчиками: у ассистентки контракт кончался через неделю, и перечить заказчику ей было себе дороже.

— За чем ты пришла, — спросил он прямо, потому что ходить вокруг в их общем ремесле значило только топтать ковёр.

— За подписью, — сказала она. — Под снимком в зале висит тот же упрёк, что в газетной строке: «инцидент объяснили одеждой помощницы». Я хочу, чтобы до премьеры её поправили. Не стёрли, а поправили: крепление, ремень, предупреждение, никто не пострадал. Четыре коротких факта, между которыми встанет запятая, а не мой позор.

— Сам снимок, для справки, стоит в музейной витрине, — она не давала разговору остыть. — На нём ты сам подгоняешь мне ремень и видишь крепление крупно. То есть видел ты всё, а рассказал утром другое.

— Фотографы видят больше, чем репортёры, — сухо бросил Орфео, — потому их и просят меньше.

— Потому и не спросил никто, — поправила она. — Вот вся история в двух строках, без всякого ярлыка. Я не требую слёз, ни публичных покаяний, ни речей. Одной строки правильными словами. Ты за жизнь написал красивее, и не своими.

— Красивое писать легче, — прибавил Орфео. — Правда без декора, а у меня к тому же почерк плохой и рука иногда спорит с головой.

— Поэтому и нужна подпись твоя, а не подставная рука.

— Музейные ярлыки пишут для посетителей, — продолжал он в том же духе, разглядывая кривые буквы вырезки. — Посетителю хватает трёх слов. Целая правда в такую карточку физически не войдёт, туда и половина правды не влезет, если её не портить.

— А мне нужно ровно то, что влезает, — Вивьен подняла бровь, не отводя от него глаз. — Место найдётся, было бы желание.

— Желание у музея найдётся, — возразил он, — когда найдётся формулировка, не похожая на приговор.

— Ты всю жизнь умел формулировать, — ответила она, — кроме тех случаев, когда требовалось не для афиши.

Он посмотрел на календарь над печкой, где Анина рука без спроса расписывала неделю, включая сегодняшний вечер, и предложил самое безопасное, что умел:

— Я напишу Артуру письмо. Аккуратное, с обеих сторон вопроса, с датами и без эмоций, как подобает архиву.

— Мне не нужно письмо, — настаивала она. — Мне нужны твои слова, твоим пером, чтобы любой, кто остановился у витрины, прочитал: исполнительница предупреждала, её не послушали. Ты был там, ты и напишешь, а не безымянный архив с датами.

— Правда не всегда помещается в ярлык. — Он не поднял глаз от каталогов и, прежде чем успел заткнуть себе рот, добавил: — Зато колкость помещается всегда, проверено практикой.

Плечи у неё поднялись на вершок и вернулись обратно, как у того, кто держит в руках сразу хрупкое и тяжёлое и боится уронить второе.

— Я пришла просить, а не просить разрешения. — Вивьен подбирала слова медленнее, чем в начале разговора. — Мне казалось, ты за это время научился говорить просто «да», когда да. Оказывается, учатся везде, кроме тебя.

— Я говорил «да», — возразил он, — со всеми уточнениями.

— С уточнениями говорят договоры, — ответила она, и в её голосе кончилась та часть разговора, из которой что-то бывает. — До тринадцатого. Я, кажется, уже не рассчитываю, и это, пожалуй, самое честное, что мы сегодня получили друг от друга.

Она убрала вырезку в кальку, застегнула сумку и на пороге обернулась с вежливостью, от которой было холоднее, чем от ветра за дверью:

— Спасибо за чай, — донеслось от двери, хотя чайник был остывший и чашек не ставили.

— На здоровье, — отозвался Орфео. — Он всё равно остыл, ты вовремя уходишь.

Дверь выпустила ветер и тут же впустила его обратно, а Орфео остался сидеть с ощущением человека, выигравшего спор, который проиграл целиком.

— Она была права про ремень, — сказала Ана из-под потолка, где стояла на стремянке и перевешивала афишу повыше, ни у кого не спрашивая. — Я слышала из подсобки. Ты мог просто сказать «да» и не терять гостью с порога.

— Я сказал «да» со всеми оговорками, — сообщил Орфео, подвигая ей стремянку, о которой её не просили.

— С оговорками говорят поставщики, — ответила Ана и слезила со стремянки на пол. — Люди говорят коротко и по делу, поэтому у людей и остаются друзья.

— Правило про внимание ты, я смотрю, уже выучила, — буркнул Орфео.

— Выучила, — кивнула Ана. — Только пользовался им вчера не ты. Куда у тебя смотрело внимание, если не секрет?

— В ярлык, — признался Орфео. — Там тесно, зато надёжно: ничего лишнего не помещается.

Он хотел объяснить различие между точностью и вежливостью, но вовремя вспомнил, что вечером ему предстоит разговор с клеем, а перебивать клей не научился никто.

Второй раз за утро позвенил колокольчик, и вошла Нина Эш с новым пластиковым пропуском на пальцах: на карточке она улыбалась дежурной улыбкой, какие фотографируют на документы и на обложки отчётов.

— Оуэн подписал утром, — Нина положила пропуск на прилавок, как сдают на проверку тетрадь. — Сказал, пусть внесут в журнал у вас: у Артура спина, а у вас, цитата, «всё равно руки без дела по утрам».

— Мои руки при деле с семи утра, — возразил Орфео, доставая из-под прилавка павильонный журнал, заведённый под пропуска. — Имя целиком, как в пропуске, и без новых букв для красоты.

— Нина Эш, — продиктовала она терпеливо. — Менеджер турне и цифровых продаж, заодно чужих нервов.

— Заодно человека, без которого старшая артистка не принимает лекарств и не садится в поезд, — добавила Нина, перечисляя обязанности по пальцам, как товаровед по накладной.

— Редкая специальность, — одобрил Орфео. — В моём цирке поезд без такого человека уезжал дважды в неделю, и всегда не туда.

— Оуэн расписался в кабинете в шесть утра, и в павильоне с половины шестого: павильон ему дороже собственного сна.

— Дорого стоит, — заметил Орфео, ещё не зная, чем именно он это взвесил.

— Зона, — он облизнул перо; чернила пахли кисло, как всё канцелярское, что обещает удобства.

— Служебная дверь из фойе и реквизитная, — ответила Нина. — Без ограничений на время гастролей. Работает в обе стороны, я уже проверила на двери: дверь не спорит.

— Дверь вообще не спорит, — заметил Орфео, выводя дату и время, — она распознаёт пластик, а не человека с другой стороны ручки. Это, между нами, недостаток всех замков на свете.

— Запишите тогда и про скотч, — попросила Нина, не поняв шутки или сделав вид.

— Скотч принимаю на слово, — Орфео не оторвался от журнала. — Кто ещё из труппы придёт за пропуском?

— Все, у кого дело в реквизитной, — ответила Нина. — Рут пока не просила: ей зал интереснее. Оуэн входит по-хозяйски и без бумажек, это его метод. А ваш знакомец с камерой, Делакруа, бумажки принципиально не носит.

— Тем лучше для журнала: меньше строчек, больше смысла.

Гудини, заинтересованный пропуском по служебному любопытству, понюхал карточку и выразил профессиональное недоверие, развернувшись задом.

— Мне нравится, как у вас ведут учёт, — Нина следила за пером без стеснения. — Тихо, без суеты. Люди в суете теряют вещи, а в тишине теряют меньше.

— Люди теряют вещи при любом освещении, — ответил Орфео и, решив не отставать от неё в светскости, прибавил: — Суббота обещает быть ветреной, скотч в хозяйстве найдётся?

— Берём с собой, — пообещала Нина, убрала пропуск в карман так бережно, как убирают приглашение на собственную свадьбу, и вышла, оставив на прилавке запах морозного одеколона.

Запись осталась лежать в журнале: имя, зона, дата, время, подпись. Орфео перечеркнул строчку взглядом, удовлетворённо крякнул и убрал журнал в ящик, не почувствовав при этом ровно ничего, решительно ничего и совершенно даром.

К шести он закрыл лавку раньше, чем собирался, завернул старую афишу «Левитации» в чистую ткань и понёс её через весь город к музейному крылу: Артур просил ещё на прошлой неделе, а просьбы Артура откладывать было незачем: он всё равно дождался бы и своё взял.

Хранитель впустил его, не задавая ни одного лишнего вопроса, и молча отвёл к рабочему столу, где уже лежали фанерная подложка, сухие тряпки и баночка клея, разведённого по особому рецепту, от которого в комнате становилось тепло и скучно.

— Я вынес рамку к окну, сушить, — сознался Артур с видом человека, признающегося в поджоге библиотеки. — Подвал своё она уже вобрала, а стекло у окна запотело, и я, дурак, обрадовался, что красиво светит.

— Красивый свет потом за всё и спрашивает, — согласился Орфео, снимая стекло, и стекло отозвалось на тёплую ладонь испариной. — Поставим в полутень и не будем торопить: бумага мстит тем, кто её торопит, особенно рамками.

Афиша пахла подвалом и старыми чернилами, край покоробился волной, а оторванный уголок Артур хранил в конверте, как сбережённое показание свидетеля. Печка постреливала, за окном моросило, и в подсобке стоял тот особый пыльный тёплый дух, каким пахнут только архивы и школьные раздевалки. Работали молча: снимали, подкладывали, прижимали через ткань, отступали и смотрели, и ни один из них не считал это молчание услугой на публику.

Клей Орфео вёл правой рукой, левая придерживала уголок подложки; то, что кисть подрагивала, он списывал на кисть, а возраст списывать было рано и не по адресу.

— Вивьен заходила, — он продолжал прижимать, не поднимая глаз. — Просила подпись под снимком поправить. Я ответил про ярлык. Точнее, чем следовало, и вежливее, чем хотелось.

Артур помолчал, поправил очки и вынес приговор без аплодисментов, как выносят только старые хранители, видавшие бумагу хуже и людей лучше:

— Доверие уходит быстрее, чем сохнет клей, и обратно его не загонишь ни одной прижимной планкой. Ты должен был это знать ещё в восемьдесят седьмом, когда мы тебе подрамник доверяли.

— Клей сохнет три дня, — Орфео подержал ладонь на углу дольше, чем требовалось. — Значит, у меня три дня. Я никуда не тороплюсь впервые в жизни, и это, Артур, лучшее, что ты сегодня сказал про меня.

— Не льсти себе, — проворчал хранитель, доставая из-под стола коробку с грузилами. — Вивьен, между прочим, воюет не только из-за подписи. Требует копию афиши в зал, а я ей: сперва подпись, потом афиша. Пусть знает, что бумага очерёдность хранит ревностно.

— Узнаю старую привычку: спорить до победного с тем, кто просто просит по-человечески. В моё время я так же хранил очередь из оправданий, и все дождались.

Они вдвоём поставили восстановленную рамку сохнуть в полутень, подальше от окна, и Артур принёс из подсобки две кружки чаю, за что удостоился одобрения, которого удостаивались немногие и никто дважды.

— Завтра привезу копию договора, — хранитель сел на край стола, отодвинув чашку. — Покажу, где в восемьдесят седьмом стояли подписи. Не для суда, для истории, а история, Орфео, любит, когда под ней подписано полное имя.

— Для истории у нас с ней сложные контракты, — отозвался гость, допивая чай. — Половину условий я подписывал не читая, о чём теперь жалею вслух, но без публики.

— Если не решишься, — Артур перекладывал грузила, не глядя на него, — впишу нейтрально: инцидента не было, неприятности устранены, обе стороны пользуются уважением.

— Не надо нейтрально, — возразил Орфео, разглаживая через ткань последний залом. — Нейтрально пишут те, кого там не было. А я был, и рука у меня была. Впишу как есть, своей рукой, и никуда не денусь.

Дома он разложил перед собой тетрадь, вывел черновик музейной строки: «Исполнительница предупреждала о креплении». Зачеркнул. Вывел снова: «Номер прерван по вине…» — и оборонительную скобку, под которой пряталась старая формулировка, вывела сама рука, без спросу и без зазрения совести.

Пять правил, переписанных Аней с оборота афиши в тетрадь, лежали на столе и, не моргая, смотрели ему через плечо. Он на них не поднял глаз: правило про внимание сегодня отчётливо было не на его стороне.

Перо дрогнуло, и чернильная запятая легла криво, как след от саней на обочине. Орфео посидел, глядя на кривую запятую, вырвал лист и подумал, что письмо, пожалуй, подождёт до утра, как и всё хорошее, что он откладывал, а утром он напишет сам, а не архив, и вообще это будет совсем другое письмо.

До премьеры оставались сутки, и впервые в номере его пугало не железо, не высота и не полный зал, а одна бумажная строчка под стеклом, которую нельзя остановить пультом.

Глава 6. Под покрывалом

К половине шестого ветер разыгрался окончательно: в павильоне скрипели стропила, покашливало печное железо, а входные двери дежурные подпихивали мешками с песком с обеих сторон.

Кэсс пришла в это время по просьбе тура — рассаживать старших артистов, — и старшие уже выстроились к ней по двое, потому что одному старому артисту скучно, а вдвоём их хотя бы сажают рядом.

Первые полчаса прошли в вестибюле, где пахло печной золой и мокрой шерстью, пока Кэсс придумывала рассадку. Старших она усаживала вдалеке от дверей, ближе к буфету и друг к другу, чтобы в антракте нашёлся кому рассказать о себе.

— Плед есть у вас на подлокотнике? — переспросила Кэсс у дежурного, сверяя ряд за рядом.

— Плед это слабость, — заявил дежурный, но плед принёс.

Первым к Кэсс пристал Альберт Гедж, гастрольный эскапелолог, двадцать пять лет просидевший в запертых ящиках в буквальном смысле.

— Мне кресло в проходе, спиной к проходу и глазами на кулисы, — потребовал Гедж. — Если ваша верхняя артистка задержится на высоте, я хочу видеть, откуда именно.

— Будет вам первое в проходе, — согласилась Кэсс, — но с условием: вы смотрите, а не комментируете вполголоса.

— Тогда хотя бы изредка, — выторговал Гедж, ставя на соседнее сиденье лакированную куклу в парике. — Она воспитаннее половины труппы и никогда не сплетничает.

— Кукле разрешаются колени, — постановила Кэсс, — но право реплик остаётся при мне.

— А храпеть кукле тоже можно? — спросил Гедж, прикрыв куклу ладонью.

— Можно, если она будет храпеть в такт, — позволила Кэсс и усадила их обоих.

Чтец-иллюзионист Френсис Туд потребовал себе место спиной к сквозняку; его разместили спиной к сквозняку и печке разом, после чего он согласился не говорить о погоде до антракта.

— А что там с покрывалом? — спросил Туд с явной опаской. — В восемьдесят девятом у нас покрывало стоило всему номеру: зацепилось за штанкет, зал ахнул, и артист так и не вышел.

— Покрывало стоит в техплане отдельной строкой, — Кэсс не отрывала глаз от рассадки, — между фиксацией и интервалом, и двигать его раньше времени никто не вправе.

— Строка — это хорошо, — выдохнул Туд. — Строку ещё никто не терял.

— Теряли, — возразила Кэсс, — но не строки, а людей, которые их не читали.

Магнетизёра Панта Кэсс усадила лично и поинтересовалась пледом.

— Плед — признание поражения, — Пант взял плед, не отказываясь. — Хотя признаюсь: одну ложу в Бристоле я запомнил на всю жизнь. Меня там вынесли вместе с креслом.

— С тех пор я поднимаюсь только на второй этаж, — похвастался Пант, и никто не стал его разубеждать.

— Резонная программа для человека, который читает чужие мысли, — заметила Кэсс.

— Список старших есть у кого-нибудь? — спросила Кэсс у дежурного в накидке.

— Вот, — парень протянул лист, где против половины имён стояли собственные пометки: «не дуть», «ряд у выхода», «не пугать овацией».

— Кого это не пугать овацией? — поинтересовалась Кэсс, водя пальцем по строчке.

— Магнетизёра Панта, — серьёзно объяснил дежурный в накидке. — В позапрошлом году он поднялся на овацию и сел обратно в чужое кресло. Хозяин кресла ждал до антракта.

— В таком случае, — решила Кэсс, — овацию Панту объявим отдельной строчкой.

— Вы умеете, — восхитился дежурный, — у нас в туре этому не учат.

— Учит дорога, — Кэсс перешла к следующему ряду, откуда Френсис Туд уже слушал скрипку.

— К половине восьмого чай из котла будет? — спросила Кэсс, оглядывая ещё пустые ряды.

— К половине восьмого будет и чай, — доложил дежурный, — и полный зал: на премьеру продали больше билетов, чем мест. Говорят, по-столичному это называется успех.

— Держите тогда чай наготове, — прибавила Кэсс, — потому что успех без чая — всего только задержка.

Наблюдательницу в сигнальном жилете она перехватила в боковом проходе: та шла не к залу, а к служебной лестнице, с прошитой папкой под мышкой.

— Вы та Мэй Льюис, что на репетиции провела пробный переход? — спросила Кэсс, догоняя её.

— Она самая и есть, — подтвердила Мэй. — Тогда я была в жилете без надписи, а сегодня жилет с надписью и папка при мне: пусть зал видит разницу и не путает меня с декорацией.

— Вы теперь на свой пост? — спросила Кэсс, кивнув на сигнальный жилет.

— На пост, — подтвердила Мэй и достала из папки лист, строчки на котором стояли ровнее, чем в бухгалтерии у Оуэна. — Техплан, лист третий: моя позиция у служебного мостика. Пост объявлен заранее, отмечен на схеме и не является сюрпризом ни для труппы, ни для страховой компании.

— А для зрителей тоже служебный пост? — уточнила Кэсс. Мэй выпрямилась — это и был ответ.

— Для публики я часть реквизита, — Мэй не отвела глаз от схемы. — И пусть остаётся частью, это дешевле объяснений.

— Страховка у вас наверху в единственном числе? — спросила Кэсс, вспоминая плотную ткань с кольцами.

— Их две, — Мэй коснулась пряжки на груди, — одна на мне, вторая на артистке, отдельной линией и со своей парой карабинов. Так в инструкции, а инструкцию я ношу в кармане, а не в памяти.

— Память подводит чаще, чем хочется, — согласилась Кэсс, всю жизнь записывавшая рецептуру на клочках.

— Память подводит особенно на высоте, — Мэй посмотрела вверх, на площадки подъёмника. — Там четыре минуты выглядят как минута, а минута как четыре, поэтому я на посту с журналом дежурства.

— Что именно вы там отмечаете? — спросила Кэсс, оглядев плотную папку.

— Подъём, остановку, щелчки блокировки, — ответила Мэй. — Не для отчёта, а для порядка.

— Порядок — это когда потом не приходится придумывать.

— Именно так, — одобрила Мэй и пошла по лесенке вверх, не держась за перила, потому что перила она считала делом рук, а не совести.

Зал к половине восьмого был полон и пах мокрыми пальто, дамскими духами и чернилами программки; из оркестровой ямы тянуло канифолью, а из буфета — сдобой, и Кэсс подумала, что лучше всего эти два запаха объясняются без переводчика.

Аплодисментами встретили Оуэна Блейка, вышедшего на помост с приветствием из трёх фраз: он считал хлопки дешевле времени и не ошибался.

— Из всех обещаний на афише, — Кэсс повернулась к дежурному, — самое надёжное: все придут вовремя, и никто не поскользнется на ступеньках.

В фойе Нина Эш раздавала программки обеими руками, успевая благодарить и помнить всех по именам, начиная с тех, кто приходил третий сезон подряд.

— Старшим три, — попросила Кэсс, — у одного руки заняты куклой.

— Знаю этих, — ответила Нина, вложив ей в руки сразу три программки. — Они читают чужие и делают вид, что свои.

— Забота у вас, — заметила Кэсс, — как на курорте, только без моря.

— Забота тоже туровое имущество, — согласилась Нина, — а за туровое имущество платит антрепренёр.

На третьем ряду сидела Рут, дочь Вивьен, прямая, как афишная стойка, и смотрела на подмостки без всякой нежности.

— Вам решительно ничего не нужно? — спросила Кэсс, глядя на её прямую спину.

— Мне нужно, чтобы мама наконец вышла в зал, — ответила Рут, — и это не входит в ваши обязанности.

— Обычно входит, — сказала Кэсс без обиды, — я в этом зале отвечаю за старших.

— Тогда следите, — ответила Рут, — чтобы мама дошла до второго костюма.

У прохода напротив пульта устроился Орфео: из всех мест в зале он выбрал то, откуда виден пульт, а не сцена, и Кэсс не стала спорить, потому что спорить с Орфео означало задержать всю премьеру.

— Что вы там можете разглядеть? — спросила она через проход.

— Не то, на что смотрят, — ответил Орфео, — а то, как смотрят.

— Правило про внимание, — Кэсс подняла бровь, — вы наконец применили к себе.

— К себе я применяю молчание, — возразил Орфео, — оно надёжнее и дешевле.

В гримёрке Кэсс задержалась на минуту передать пожелание удачи, но Вивьен, сидевшая у зеркала в вечернем платье без плаща, только подняла брови.

— Вы пришли пожелать или поговорить? — спросила Вивьен, глядя в зеркало.

— Пожелать, — Кэсс придвинула ей стул, а про себя подумала, что у них с Вивьен всегда наоборот.

— Тогда садитесь, — велела Вивьен, — и не ждите ответа; я их раздариваю.

— За покрывалом присмотрите, — попросила она, не оборачиваясь, — а за мной я сама.

— За покрывалом не за чем присматривать. — Голос у Кэсс вышел суше, чем она хотела. — Оно штатное, вписанное в техплан и два раза в неделю проветренное и чищенное.

— Тогда за номером присмотрите, — сказала Вивьен и вдруг улыбнулась в зеркало. — Вы в этом зале единственная, кто знает, что номер состоит не из чуда.

— Я и про другое знаю, — Кэсс не отвела глаз от зеркала. — И про возврат денег тоже. Мне можно об этом помалкивать?

— Нужно, — ответила Вивьен в зеркало, — расскажу после антракта. Только заранее скажите мне одну вещь: можно вернуть человеку его деньги, не выкладывая всё при всех?

— Можно, — сказала Кэсс твёрдо, потому что люди прощают тишину, но не прощают, когда им не говорят ничего.

— Тогда у нас с вами будет разговор, — Вивьен отвернулась от зеркала. — Без афиши и без этих ушей.

— Без Нининых, что ли? — спросила Кэсс.

— Без всяких, — ответила Вивьен и посмотрела на дверь так, будто дверь могла подслушать.

В дверях гримёрки стояла Нина с листком на пальцах.

— Забираю, — Нина тряхнула расписанием, — лекарства и поезд сами себя не отменят.

— Успели немного поговорить? — спросила Вивьен тоном, каким в семьях не спрашивают.

— О лекарствах и поезде, — ответила Нина, — на остальное у нас есть антракт.

Кэсс видела, как Нина вписала Вивьен в свой туровый список, где каждая строка была подписана и обведена, и подумала, что порядок в нём лучше, чем в иной бухгалтерии.

Начался номер, ради которого павильон и открывали в феврале.

Вивьен вышла на помост в длинном плаще, уселась в кресло — всё, как на репетиции, она не поменяла ни секунды, — а Кэсс запомнила её руки: та пристегнула отдельную страховочную линию спокойно, с той обычной деловитостью, с какой пристёгиваются в такси, не думая о дороге.

В первом куплете зрители видели её лицо, руки и манжету, которую она перед подъёмом поправила на левой руке, — та же привычка, что и на прогоне.

На фальшивую ноту валторны Вивьен погрозила пальцем, и половина зала не выдержала улыбки.

Никакого двойника и никакой декорации: на помосте сидел живой человек, которого Кэсс помнила по разговорам без афиши.

На раме подъёмника поблёскивала свежая табличка освидетельствования, с датой и подписью инженера, и Кэсс подумала, что ничто в воздухе так прочно не держит, как бумажка, подшитая в правильную папку.

Платформа тронулась ровно и деловито, без театральной дрожи, с достоинством хорошего лифта, и на согласованной паузе остановилась чуть выше уровня мостика.

Щёлкнула первая блокировка, потом вторая; обе Кэсс услышала отчётливо, и эти щелчки показались ей самой честной частью всего вечера, потому что щёлкает железо, а не надежда.

Откидного перехода из зала видно не было: прятался он за плотным боковым задником, но по техплану Кэсс знала, что переход там есть, с перилами, и короткая лесенка в служебный коридор — тоже.

После щелчков блокировки дежурные опустили на кресло покрывало — ту самую штатную ткань с кольцами из технического листа, между словами «фиксация» и «интервал».

Никто не метался: его опускали вдвоём, аккуратно и на согласованную музыку, как спускают на ночь витринную штору в магазине, который не собирается грабиться.

Служебная лесенка ожила: по ней разошлись дежурные, опустившие покрывало, а в сигнальном жилете на своей площадке оставалась Мэй — она заняла объявленный пост ещё до заполнения зала и больше никуда не смотрела.

Оркестр заиграл музыкальный интервал — медленный вальс, в котором каждая пара в зале начала вспоминать свою.

Зал был научен афишей и репетицией: по техплану Вивьен должна была сойти с платформы между 19:42 и 19:44, скрыться за задником, переодеться и минут через пять выйти в зал боковой дверью во втором костюме; все обязаны хлопать в ладоши, но не раньше времени.

Кэсс успела взглянуть на часы над запасным выходом: сорок три, и программа шла впереди них на целую минуту, за что Кэсс мысленно поблагодарила часовщика.

Закрытый пульт, видимый из зала, в эти минуты не отвечал ни за лесенку, ни за дверь, и Кэсс повторила это про себя дважды, чтобы потом не перепутать собственные наблюдения с чужими домыслами.

— Она что, вправду там сидит? — прошептал Гедж, опираясь локтем на подлокотник.

— Сидит и дышит, — сказала Кэсс. — Живее вас обоих, вместе взятых.

— Кукла всё-таки живее, — уточнил Гедж. — Она хотя бы не храпит в антракте, — а сам уже закрывал глаза в полное соответствие с этими словами.

В эту минуту Уолтер Митчелл из пятого ряда у прохода, который вечно норовил сесть на сквозняке, поднялся и тронул её за рукав с виноватой вежливостью человека, опаздывающего на собственный спектакль.

— Мне нужно в уборную и домой, — сказал он, — и именно в таком порядке.

— Только скрипке не говорите, — добавил он, оглянувшись на оркестр. — Скрипка за такие слова не прощает.

— Скрипке скажу, что вы вернётесь к финалу, — пообещала Кэсс, невольно глядя на опущенное полотнище.

— Не вернусь, — признался старичок честно. — У меня внучка, поезд и суп, который не разогревают дважды. Меня, кстати, зовут Уолтер Митчелл.

Боковой проход был завален теми же мешками с песком, поэтому они пошли кругом, через зрительский вестибюль, и Кэсс шла медленно: про медленную ходьбу старик знал целую лекцию и читал её без перерывов и нот.

— Я не тороплюсь, — говорил Уолтер, опираясь на трость. — Спешат те, кто не успел побыть молодым.

— Это вы мне, в шестьдесят семь? — спросила Кэсс, придерживая его под локоть.

— Это я афише, — уточнил Уолтер. — Она обещает левитацию, а я обещал внучке пирог. Вся разница как раз в исполнителе.

— Пирог надёжнее, — согласилась Кэсс, и Уолтер посмотрел на неё с живым уважением.

— Внучка печёт, — Уолтер выпрямился в полный рост, и в его голосе появилась гордость, которой он не скрывал. — А я ем и произношу речи. Так в нашей семье распределены таланты.

На часах у вешалки было без двенадцати минут восемь, когда Кэсс, проводив Уолтера до дежурного в накидке, сообразила, что из самого интересного не видела ровно ничего: ни перехода, ни шага, ни одной приличной секунды.

— Четыре минуты, — произнесла она вслух и поправилась: — Может, пять; три с половиной тоже возможно, я не засекала.

— Так и скажете, — велел дежурный, которому она это сказала.

— Так и скажу, — согласилась Кэсс. — Только спросят ведь не у вас.

— Спросят у всех, — дежурный подпихнул ногой мешок с песком, — у нас в городе спрашивают со всех и не выбирают.

— Ничего не случилось, — добавила Кэсс для порядка, — у меня эти четыре минуты в тёплом вестибюле: трость, зонт и обещанный пирог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.